Евгения Попова

Российские университеты: между интернационализацией и технонационализмом

Статья рассматривает сложности, с которыми сталкиваются государства в поисках баланса между национальной безопасностью и стремлением занимать лидирующие позиции в международном научно-техническом разделении труда. С одной стороны, научные коллективы должны сотрудничать с представителями ведущих мировых университетов; в образовательной политике необходимо ориентироваться на лучшие образцы в соответствующей отрасли. С другой стороны, множество исследований имеют потенциал для развития отечественных технологий, в том числе военного характера; доступ студентов к международным программам в перспективе культурной ассимиляции может расцениваться как угроза национальной безопасности. Это противоречие определяет разнообразие национальных стратегий в формировании и реализации научно-технической политики. В данной работе мы, во-первых, сформулируем теоретические подходы к проблеме участия университетов в глобальной политике. Во-вторых, опишем четыре модели закрытости в научно-технической сфере: системы классификаций (иначе — системы экспортного контроля технологий и технических знаний); системы визовых ограничений и ограничений возможностей ученых — граждан отдельных стран — в деятельности исследовательских групп национальных университетов; управление данными и ресурсами, необходимыми для выполнения исследований; технонационализм. В-третьих, рассмотрим российскую государственную политику в отношении университетов и представления о ней российских ученых и преподавателей, исходя из вышеуказанного противоречия и моделей закрытости научно-технической деятельности. При подготовке статьи использовались следующие методы сбора дан-

Попова Евгения Владимировна — кандидат политических наук, доцент, директор НОЦ «Социально-политические исследования технологий» Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: pevgen@eu.spb.ru. Научные интересы: исследования науки и техники, технические изменения, социальные исследования инноваций, российская политика в сфере науки и техники, сравнительные исследования научно-технической политики.

Popova Evgeniya — Associate Professor, director of Research Center for Policy Analysis and Studies of Technology, Tomsk State University. E-mail: pevgen@eu.spb.ru. Research interests: science and technology studies, technological change, social research of innovation, Russian science and technology policy, comparative studies of science and technology policy.

Работа выполнена при финансовой поддержке Европейского университета в Санкт-Петербурге.

ных: международный экспертный опрос о глобальном управлении наукой и участии России в нем, интервью с представителями российских университетов, анализ уголовных дел о разглашении государственной тайны в отношении ученых и преподавателей, а также анализ государственных трат на научно-исследовательскую работу Федеральных целевых программ по различным отраслям экономики.

Evgeniya Popova
Russian Universities between Internationalization and Technonationalism

The paper considers difficulties that face national states trying to find a balance between national security and success in science and technology development. On the one hand, researchers should actively cooperate with representatives of the world's leading universities and educational policy must be guided by the leading world standards. On the other hand, many studies have the potential for the development of national technical and military power and international educational programs might lead to cultural assimilation and potentially threat the nation-state. This contradiction forms the dilemma for the States and result in diversity of national strategies on formulation and execution of scientific policy. In this paper, at first, we formulate the theoretical approaches to the issue of the university participation in global relations. Second, we describe four models of closeness in science and technology policy: the system of classifications (eg. export control of technology and technical expertise); the visa restrictions and limitations of the scientists collaboration for citizens of certain countries, for examples, their work in research groups of national universities; the state management of access to data and resources necessary to carry out research; technonationalism. Third, from point of the above mentioned dilemma and four models of restriction in scientific and technical international activities we consider the Russian state policy towards universities and idea about this policy from the Russian scientists. The methods were an international expert survey on the global governance of science and Russia's participation in it, interviews with representatives of Russian universities, analysis of lists of criminal trials about divulging state secrets against scientists available on the Internet, as well as analysis of the size of government spending on the researches in the Federal targeted programs.

Keywords: university, internationalization, national security, export control, technoglobalization, technonationalism, Russian politics

Введение

Интернационализация и техноглобализация — ключевые понятия современной политической риторики в отношении университетов, высшего образования и научной деятельности в целом. Представление о том, что ученые и студенты коммуницируют поверх государственных границ, восходит к идеологии академических свобод и свободной циркуляции научных идей средневековых университетов. Научная деятельность, так же как и образователь-

ное пространство университетов, длительное время мыслилась как интернациональная и свободная. Профессионализация научной деятельности приводит к ограничению академических свобод и попыткам со стороны национального государства использовать потенциал университетов для своего усиления как во внутренней, так и во внешней политике. Обе тенденции сохраняются в современном представлении о развитии университетов, и доминирование одной из них здесь и сейчас зависит от множества факторов.

Сложность данной темы связана с описываемым объектом — университетом, который одновременно выполняет разные, часто противоположные функции в обществе и национальных государствах [Kwiek, 2000]. Современный университет является проектом национального государства и его культурной идентичности [Enders, 2004], а также и частью национальной внешнеполитической стратегии. Сочетая разные идеологические и культурные основания, университеты выполняют образовательные, научные, социально-экономические функции: генерация и передача идеологии, отбор и формирование элиты, социальное развитие и повышение образовательного уровня населения, производство кадров и производство новых технологий и /или фундаментального знания.

Каждая из этих функций выполняется университетом в зависимости от задач высшего образования, которые ставит перед ним государство и /или рынок, с нюансами, зависящими от национального контекста, исторического периода, организации работы каждого университета, лидерства и т. д.

В настоящей работе я обращусь к представлениям о разных тенденциях в развитии современных университетов, имеющихся в теоретической литературе, и к работам, описывающим различные кейсы, связанные с исследованием национальных научно-образовательных политик. В контексте обозначенной дилеммы, т. е. двух противоречащих друг другу тенденций, основной фокус нацелен на российскую политику, связанную с развитием университетов после 2000 г.

Научно-образовательная политика государства: теоретические концепты

Рассматривая работу университетов поверх границ национальных государств, мы можем оперировать разными теоретическими категориями. Так, применительно к образованию принято применять термин «интернационализация»[1]. Когда мы говорим про научные

1 Термин активно включен в научные дискуссии с середины 1990-х годов [Teichler, 1996; Curry, Newson, 1998; Scott, 1998].

исследования, применяются концепции «невидимого общества» [Griffith, Mullins, 1972; Crane, 1972], «эпистемических сообществ» [Haas, 1992], «научных коллабораций» [Cummings, 2005; Hackett, 2005; Farrell, 2001; Glasner, 1996], «открытой науки» [Fecher, 2014], «научных сетей» [Powell et al., 2005]. Говоря об инновационной деятельности университетов и государств, мы обращаемся к термину «техноглобализм» [Barry, Segal, 2003; Feigenbaum, 2003; Pauly, Reich, 1997]. Здесь я буду применять термин «интернационализация», объединяя перечисленные понятия, поскольку моя задача — подчеркнуть общее для всех этих концептов. А именно то, что они ставят под сомнение возможность развития университетов вне международного сообщества, международной коммуникации, международного обучения, причем не только студентов, но и исследователей в процессе совместной научной работы, совместного использования оборудования и данных, формирования команд, имеющих разный дисциплинарный и культурный бэкграунд, использующих разные финансовые источники, часто не привязанные лишь к национальным системам финансирования научных исследований.

Концепт интернационализации акцентирует сомнения в господстве национального государства как основного фактора, определяющего характер развития университетов, опыт и навыки своих студентов и выпускников, так же как и возможности и способности собственных сотрудников. Интернационализация способствует и происходит параллельно с переосмыслением социальной, экономической и культурной роли высшего образования [Enders, 2004].

Рост международной конкуренции вкупе с международным сотрудничеством происходит через обмены студентов и преподавателей; кооперацию научной деятельности; преподавание иностранных языков и широкое распространение английского языка в кампусах университетов и лабораториях вне зависимости от страны нахождения университета; сближение организационных структур и учебных планов; инкорпорирование электронных курсов, читаемых ведущими учеными мира, в учебные программы локальных университетов. Кроме того, растет унификация средств оценки образовательной и научной деятельности университетов: развиваются индексы цитирования, рейтинги университетов и т. п.

В результате некоторые исследователи задаются вопросом, не потеряем ли мы национальную науку [Mirowski, Sent, 2002, Drahos, Braithwaite, 2002; Drori et al., 2003]. В STS ставится вопрос, не переродится ли в XXI столетии многообразие социальных траекторий обеспечения науки в единственную модель коммерциализированной, глобализированной науки? Если ответ — да, значит ли это, что для науки существует угроза быть сведенной к нескольким упрощенным описаниям научного успеха в силу того, что корпо-

рации, правительства и международные неправительственные организации вовлечены в программу стандартизации, преодолевая национальные, культурные и дисциплинарные границы?

Эти размышления дают основания для противоположного движения по ограничению международных связей со стороны национальных государств. Роль университетов в этом процессе также велика. Один из исследователей исторической роли университетов в процессе формирования национальных государств писал: «университет — неотъемлемая часть процесса, который проявляется в возникновении индустриального экономического порядка и нации-государства» [Wittrock, 1993, p. 305]. Университеты в том виде, в котором они сформировались к началу XX в., всегда следовали ясным национальным экономическим интересам. Их финансирование и структура организации были национальными, вклад в национальную культуру был весьма велик, они воспитывали национальную элиту, играли и играют значимую роль в военно-промышленной индустрии страны; таким образом, они прежде всего национальные институты [Enders, 2004]. Поэтому важен вопрос, как структуры национального государства участвуют в формировании университетской политики? Не является ли использование терминов «техноглобализация», «интернационализация» одной из стратегий национальных лидеров для продвижения собственных интересов и национальной политики? Понятно, что, используя риторику интернационализации в целях продвижения национальной политики в условиях мировой конкуренции, можно обоснованно увеличивать госбюджетные вложения в систему высшего образования, в то время как экономические и социальные результаты подобных вложений, которые должны быть весьма отсрочены во времени, сложно подсчитать. Как показывают исследователи, институциональные условия для изменений оказываются весьма ограниченными для достижения целей, обозначенных в целях подобной политики [Dill, Sporn, 1995]. Хотя новейшие технологии, позволяющие расширять международное сотрудничество, не затрачивая большие ресурсы (международные интернет-курсы, электронные средства связи для научной коммуникации и т. п.), несколько смягчают этот вывод.

Вопросы закрытости образовательного пространства пока не обсуждаются, и в настоящее время нет информации о государствах, которые бы ограничивали возможности для обучения собственных студентов в ведущих вузах мира[1], хотя многие стремятся по оконча-

1 Здесь мы не рассматриваем такие закрытые политические режимы как, например, Северная Корея.

нии университета вернуть студентов обратно в страну. Для научных исследований и технических инноваций открытость оказывается более проблематичной, и так или иначе ведущие государства мира нацелены на ограничения, связанные с военными технологиями и исследованиями, как и с технологиями двойного назначения.

Методы ограничения международного научно-технического сотрудничества в разных странах различны, но укладываются в следующую типологию.

1. Первый тип ограничений — это системы классификаций (т. н. системы экспортного контроля технологий и технических знаний).
2. Второй — чуть более жесткие системы визовых ограничений и ограничений возможностей ученых -граждан отдельных стран в деятельности исследовательских групп национальных университетов [Wilson, 1985; Rosenbaum et al., 1982], либо на конференции национальных ассоциаций в некоторых научных областях [Shambaugh, 1987].
3. Для бюрократизированных стран еще одной возможностью контроля становится управление данными и ресурсами, необходимыми для выполнения исследований[1].
4. Последняя модель ограничений, которая лишь косвенно затрагивает работу университетов, — это технонационализм, т. е. стремление государства диктовать собственные научно-технические стандарты на своей территории и по возможности их экспортировать. Такую стратегию стремится проводить Китай [Zhou, 2006], однако пока западные государства успешно противостоят данным попыткам.

Модель ограничений, связанная с понятием экспортного контроля, формулируется в терминах национальной безопасности и государственной тайны и свойственна всем без исключения странам, имеющим научно-технические разработки, поскольку часть из них может быть связана с военным развитием. Различия между странами заключаются в законодательной системе, выработке списков контролируемых технологий и надзоре за соблюдением ограничений. Пример коллегиальной разработки соответствующих норм дают работы, описывающие действия ректоров ведущих университетов и экспертов в США после принятия распоряжения от 12 апреля 1982 г., которое расширило полномочия правительства в отно-

1 Подобные примеры для Китая см. [Shambaugh, 1987; Zhou, 2006].

шении научно-технических разработок [Wilson, 1985; Thomas, 1984; Bok, 1982; Rosenbaum et al., 1982].

Прежде всего на расширение указывают строки: «при наличии обоснованных сомнений в необходимости классификации (как государственной тайны) … информация должна рассматриваться как таковая» [Rosenbaum, 1982, p. 18]. Реакция научной общественности была весьма негативной, ректоры пяти ведущих университетов (Университет Корнеля, Массачусетский технологический институт, Калифорнийский технологический институт, университеты Стэнфорда и Беркли) заявили, что это покушение на академические свободы, и они никоим образом не могут поддержать решение правительства. Аргумент строился таким образом: правительство своим решением может подорвать систему, которая многие годы обеспечивала научное и технологическое лидерство. Следом многие научные ассоциации высказались подобным образом. Важно отметить, что университеты в США не находятся под государственным контролем, и они могут относительно самостоятельно принимать решения по внутренней политике университета. Для нашей темы важно, что для решения конфликта были созданы межведомственные экспертные группы, которые на протяжении нескольких лет исследовали последствия ограничения академических свобод, а также необходимый объем подобных ограничений, поскольку очевидно, что раскрывать все научно-технические наработки недальновидно ни с позиции развития экономики, ни с позиции роли государства на международной арене.

Итак, перечислим неопределенности, связанные с системой экспортного контроля, при неограниченном участии государства в данных процессах.

1. *Проблемы трансфера технологий*. Литература по системам и практикам трансфера технологий показывает, насколько неопределенным является результат научных исследований и насколько сложно из фундаментальной разработки сформировать инновационную работающую технологию [Tidd, Bessant, 2009]. Какой момент в научно-исследовательской деятельности становится переломным, после которого данная технология, существующая на уровне знания, может стать работающей вещью?
2. *Проблема неопределенности результатов технологии*. Для научно-технического знания сложно выработать однозначные критерии оценки появляющихся технологий: их потенциал и сферу применения. В результате их потенциальные преимущества и опасности оказываются неопределенными: кодифицировать потенциально опасные или неопасные технологии и знания оказывается весьма проблематичным, а со-

ставление списка технологий двойного назначения требует включать максимально общие признаки.

3. *Проблема бюрократии.* Если дать возможность принимать решение о технологии бюрократии, то в ситуации неопределенности результатов исследования бюрократия по своей природе будет склонна расширять зону контроля.
4. *Проблема постоянного удорожания системы контроля научной деятельности при отсутствии ограничений в увеличении бюрократического аппарата.* Как заметил в личном общении на конференции один исследователь, нерационально «строить высоченные заборы вокруг небольших участков», а мы можем добавить: особенно если эти заборы сделаны из золота.
5. *Сложность контроля за «двойными» технологиями.* Как показывают исследования 1980-х годов в США, увеличение перечня товаров и технологий в 1970-е сделало систему контроля неэффективной, так как при большом числе технологий и направлений исследований в государственных списках часть технологий не замечается проверяющими органами [Wilson, 1985].
6. *Важные технические сдвиги перестают быть монополией сугубо военных исследований, а число потенциально ценных технических идей очень велико.* Как совместить этот тезис с указанными выше? В ситуации работы правительственных подрядчиков или крупных корпораций вести учет не сложно. Вопрос, как и в каком объеме контролировать ученого, который занят научным обменом со студентами в аудитории, с коллегами в лаборатории и на научных мероприятиях и не занят напрямую военными заказами? Ученый не может и не должен постоянно думать о военном использовании продуцируемого им знания, он не может контролировать себя каждую минуту своей профессиональной деятельности в аудитории, в статье или на зарубежной конференции. Иначе говоря, ученый, открывающий атом, не думает о ядерном оружии. Следует ли заставить думать об этом посредством разрешительных процедур в отношении публикаций или чтения лекций студентам и всем желающим?

Вопросы поставлены, но ответы также неопределенны (выводы, сформированные для новой системы экспортного контроля США, см. [Wilson, 1985, p. 123]).

Вторая модель: ограничения в выдаче виз для научных сотрудников и студентов других государств. Это противоречит идее общего образовательного пространства, а также политическим и экономическим требованиям наращивать число иностранных студентов. Это противоречит идее научного сообщества, идее меганауки. Конечно, если есть прямые признаки научного и промышленного шпионажа

со стороны гражданина иностранного государства, ему нужно отказать во въезде, но это не превентивная мера, а знание постфактум либо сверхдорогое знание, которое, возможно, не оправдает потенциальные потери, при том что трансфер технологии весьма затратен и его результаты очень неопределенны.

Третья модель — контроль над ресурсами и данными, предоставляемыми государственными структурами для фундаментальных исследований и военных разработок, — часто применяется государствами. В случае контрактов на военные разработки проблема контроля кажется очевидно решаемой. С фундаментальными исследованиями все проблемы, изложенные для первой модели, сохраняются. Для военных разработок возникает проблема поиска подрядчика, так как в ситуации рационального выбора между получением финансов на исследование или разработку и ограничением возможностей международных коммуникаций в ситуации иных доступных ресурсов далеко не все исследователи выберут первую альтернативу. Даже в России ситуация интернационализации университетов, которая дает возможности получать финансирование за международные публикации, приводит к отказу многих групп ученых, имеющих дело с военными заказами, к выбору гражданской альтернативы[1].

Технонационализм. В литературе противопоставляется техноглобализму и акцентирует две возможности: 1) политическая экспансия на международной арене через формирование научно-технической повестки дня; 2) экономические выгоды, которые сулят права собственности на технические стандарты [Jeffrey, Kim, 2002]. Иначе говоря, технонационализм — это попытки государства продвигать свои

1 Как указывал один из томских информантов, изменение правил игры со стороны государственных структур приводит руководителя научного коллектива к необходимости выбирать между разнонаправленными задачами. Например, если проект «национальные университеты» требовал коммерциализированных разработок и создания малых инновационных предприятий, то в результате наблюдался бурный рост активности вуза вокруг данных объектов, включая военные. Новый проект правительства по «ведущим вузам» (Проект 5-100) минимизировал данные показатели и требует прежде всего научных результатов лаборатории вне их связи с реальным сектором экономики. Поэтому руководители ведущих лабораторий предпочитают гарантированную финансовую поддержку, славу и статус по результатам научных трудов, а не рискованную стратегию работы с промышленными структурами. Кроме того, по словам информантов, занятых заказами в военном секторе, они отказываются от наработанных годами связей и заказов по причине нежелания заказчика иметь официальный договор с университетом, что критично в плане отчетности лаборатории и распределения ресурсов времени. Данное обстоятельство, естественно, приводит к еще большему отдалению университетских команд от производственных задач.

интересы через технологии. Другое представление этого термина как нового глобализма — попытка преодолеть мировую монополию западных государств на передовые технологии [Zhou, 2006]. Исследования технонационализма в литературе описывают политику Японии, Китая и США.

Важно заметить, что технонационализм часто апеллирует к националистической риторике государственных лидеров, но все исследователи делают акцент на том, что мотивация в подобной политике связана прежде всего с коммерческими интересами национальных предприятий. Поэтому изучение лишь государственной политики не дает реальной картины того, как формируется данный концепт. Технонационализм обычно проявляется в протекционистской политике в отношении своих предприятий, исследовательских групп [Keller, Samuels, 2002]. Термин напрямую связывают с национальной безопасностью и благосостоянием.

Чтобы показать разницу в политике Китая и России в отношении научной и технологической политики для демонстрации разных моделей технонационализма, важно отметить, что с середины 1980-х годов китайское правительство рассматривает национальную мощь как результат не столько военной мощи, сколько глобальной конкурентоспособности экономики. Таким образом, российская политика оперирует прежде всего терминами экспортного контроля и технологий двойного назначения, а Китай стремится с помощью масштабов потребления и производства внедрять глобальные технические стандарты и международные научные рейтинги. Масштабное потребление и производство служат рычагами влияния на мировое технологическое развитие при сравнительно отсталом технологическом статусе, в том числе через активное участие в ВТО [Chou, 2006]. В России ситуация обратная — закрытие внутреннего рынка, импортозамещение, но не участие в глобальной научно-технической политике.

Российские университеты перед дилеммой открытости и закрытости

Российская государственная политика развития университетов демонстрирует как стремление к интернационализации, так и своеобразные формы закрытости научно-образовательной деятельности в рамках обозначенных выше моделей ограничения международного сотрудничества. С середины 2000-х годов из политической риторики первых лиц государства мы могли узнать о глобальной экономике знания, об инновационной гонке, которая не столько заменяет, сколько теснит соревнования в сфере военной мощи. Проблематика национальной закрытости российского научного

сообщества сформулирована Министерством науки и образования РФ. Исследования, проведенные Центром социологических исследований Федерального агентства по образованию в середине 2000-х, показывают, что вовлеченность российского научного сообщества в международные контексты весьма ограничена.

На май 2005 г. «лишь каждый двадцатый российский преподаватель (13,6 тыс. человек) имеет регулярные контакты с зарубежными вузами и их представителями. Еще каждый пятый преподаватель (56,3 тыс. человек) имеет эпизодические международные контакты, а почти 3/4 всех штатных преподавателей вузов таких контактов вообще не имеют» [Арефьев, 2006, с. 80]. При этом основной формой международных контактов опрошенные преподаватели называют участие в международных конференциях. Участие в совместных проектах, подготовка совместных публикаций, научная работа в зарубежных вузах — очень редкие формы деятельности по интернационализации международных контактов. «Усугубляется локальность российской науки и тем, что за рубеж, в особенности неоднократно, выезжают преподаватели старшего возраста (51-65 лет). Доля молодых преподавателей в числе выезжающих остается незначительной» [Арефьев, 2006, с. 86].

Тезис подтверждают неоднократные замечания российских экспертов, которых мы интервьюировали в 2013-2014 гг., указывающих, что международные контакты российской науки завязаны на ученых, занимающих административные посты в вузах и НИИ, плохо говорящих на английском языке и часто не участвующих в дискуссиях на международных площадках. Такой перекос в сторону статусных, но неспособных к международному общению ученых усугубляется и советской культурой, свойственной некоторым из профессоров, которые оказываются неспособны вписаться в правила общения, принятые на международном уровне.

Один из экспертов из Западной Европы в интервью рассказывал, что недавно получил электронное письмо от российского коллеги, с которым он встречался один раз во время официального визита делегации университета. В письме коллега пишет, что в российских вузах в настоящее время поставлена цель интернационализации. Для этого необходимо пригласить зарубежных специалистов, поэтому администрация вуза собирает анкеты потенциально интересных российской стороне иностранных преподавателей. Дальше следовала просьба заполнить анкету самому, передать ее двум коллегам, с которыми он был на встрече, а также двум ведущим ученым в других отраслях, работающим в данном университете. Эксперт восклицал: «Я не понял, я что — администратор?». Апогеем истории стало то, что анкета была отправлена на русском языке. Этот анекдотичный случай — скорее исключение, нежели широко распространенная практика. Но он наглядно иллюстрирует проблему.

С начала 2010-х годов руководителями государства и руководителями Министерства образования и науки целью развития университетов провозглашается интернационализация. С 2013 г. объявлена программа поддержки ведущих вузов России, имеющая целью включение 15 российских вузов в топ-100 международных рейтингов ведущих университетов мира. Эта программа предполагает увеличение числа иностранных студентов и преподавателей, активное участие сотрудников в международных мероприятиях, публикации в международных научных журналах и т. п. Несколько ранее были предусмотрены программы финансирования научных исследований и лабораторий под руководством признанных на международном уровне ученых. Однако параллельно с этим наблюдается противоположное движение по ограничению международных связей.

1. Система экспортного контроля технологий и технических знаний существовала всегда, поскольку многие научные исследования в России так или иначе представляют интерес для иных государств.

В апреле 2012 г. Минобрнауки рассылает письма по вузам и НИИ с рекомендацией по проведению экспертизы материалов, предназначенных к открытому опубликованию (оглашению), вывозу за границу, представлению на мероприятия с участием иностранных граждан. Открытое опубликование в документе определено столь неявно, что при желании абсолютно любое выступление или переписка с иностранным гражданином, в том числе в личных e-mail, можно трактовать как распространение информации, так же как и конспекты лекций иностранного студента, обучающегося в РФ (из личного общения автора с представителем контролирующих структур). С момента публикации ФЗ об экспортном контроле в 1999 г. эти правила распространялись лишь на отдельные отрасли научного и технического знания, связанные с государственной тайной и возможностью использования результатов в товарах и технологиях двойного назначения. Однако, согласно экспертным интервью, в последние два года его действие распространили на большинство выезжающих за рубеж сотрудников университетов, включая специалистов в некоторых социально-гуманитарных науках.

Для того чтобы увидеть, как работает система экспортного контроля и каковы последствия для нарушивших его, мы собрали список 17 уголовных дел против ученых в РФ, инициированных после 1999 г.[1]. Наши данные показывают, что переломным в отно-

1 Это меньше, чем указывают представители Общественной организации защиты ученых. Они говорят о более чем 20 уголовных делах, возбужденных против ученых по «политической» статье «разглашение гостайны».

шении открытости/закрытости научной деятельности стал 2004 г. Если еще в конце 2003 г. дела, возбужденные по статье о выдаче государственной тайны, оканчивались как оправданием, так и небольшими и зачастую условными сроками (максимум 8 лет), то начиная с весны 2004 г. сроки заключения под стражей увеличились до 12-15 лет, и условных наказаний уже не назначали. Подобные данные об условных приговорах дает Э. Черный, ответственный секретарь Общественного комитета защиты ученых: «До 2004 г. нам удавалось отстаивать людей, а теперь в лучшем случае мы добиваемся их условного наказания»[1]. Важно отметить, что в обоих источниках именно 2004 год определяется, как начало новой эпохи в научно-технических связях российских ученых с международным сообществом. При этом прохождение экспортного контроля и получение разрешений на чтение лекций, научные презентации или публикацию в научном журнале не являются документом-основанием для отсутствия уголовного дела [Мартемьянов, 2012].

Еще одним маркером опасности быть ученым с международными связями становится то, что ближе к 2010-м годам большинство дел о разглашении приобретают гриф секретности и никто не может узнать ни о ходе следствия, ни о собственно суде — только имя фигуранта и судебное решение. «Удивительные вещи творятся в судебной системе, когда она разбирает дела, подконтрольные Федеральной службе безопасности. Вопреки законам, Уголовно-исполнительному кодексу, приговоры по такого рода делам стали недоступными, есть только резолютивная их часть. Вся содержательная часть исчезла» (с круглого стола «ФСБ — спецслужба или карательный орган»[2]).

2. Система визовых ограничений и ограничений возможностей ученых — граждан отдельных стран — участвовать в исследовательских группах национальных университетов и научных мероприятиях российского государства. В России данная модель включает также обратный контроль над ограничениями для выезда и презентаций/публикаций российских ученых.

Во многих университетах уже с начала 2010-х годов появляются документы, регламентирующие работу иностранных граждан на территории университета/научного института. С недавнего времени, указывают информанты, необходимо заполнять Отчет

1 http://trv-science.ru/2009/04/28/obshhestvennyj-komitet-zashhity-uchenyx-obsudil-rol-fsb-v-sovremennoj-rossii.

2 http://www.hro.org/node/5089.

о деятельности иностранных граждан в университете. Этот документ составлен на основе типовых документов МИДа и включает информацию о ФИО иностранца, номере приказа и ответственном за приглашение, продолжительности нахождения иностранного гражданина на территории университета, существе выполняемых обязательств и работ; а также факты передачи или получения служебной или технической документации (памятные записки, чертежи, технические паспорта, стандарты, формуляры, факты получения или вручения памятных подарков или сувениров). Форма отчета утверждена в 2013 г. До 2013 г. действовала иная инструкция, принятая в 2011 г., которая, согласно собранным данным, практически не применялась на практике подразделениями университета[1].

В большинстве ведущих университетов еще в середине 2000-х появляется должность проректора по безопасности или начальника отдела. Официально они отвечают за безопасность на территории вуза, контрольно-пропускную систему и т. п., однако сразу после появления этой должности все документы на командировку за рубеж, так же как и приказы на прием иностранных граждан в университете, обязательно проходят данную службу. «Перечень задач, стоящих перед данными работниками, свидетельствует о том, что наиболее востребованными для замещения этих должностей могут быть лица из числа бывших сотрудников органов внутренних дел, ФСБ России, МЧС России, военнослужащих, имеющие необходимый опыт работы, а также обладающие знаниями и навыками по действиям в условиях чрезвычайных ситуаций» [Информационно-справочные материалы МВД России][2].

3. Контроль данных и ресурсов, необходимых для выполнения исследований, связан в России с зарождающейся идеологией технонационализма.

Хотя объем неконтролируемых государством финансовых средств, выделяемых на научные исследования иностранными и российскими частными фондами, не велик, начиная с 2001 г. наблюдается растущее стремление его контролировать. Благодаря

1 Контроль над иностранными учеными, прибывающими в Россию, не прекращался никогда, хотя в разные годы его интенсивность была различной. Новым для постсоветской России выглядит контроль над контактами российских ученых, причем не только в рамках экспортного контроля за передачей технологии или научно-технического знания. Как мы указывали выше, расширяется контроль и на социально-гуманитарные отрасли наук, далеко не всегда связанные с развитием новых технологий.

2 https: //mvd.ru/upload/site1/luda.../Sprav_mater. doc/

увеличению налоговых сборов с грантов действующих в России международных организаций число таких организаций стало уменьшаться. Уменьшение финансирования со стороны международных структур наблюдается с 2002-2003 гг.: всероссийский опрос Центра социологических исследований Федерального агентства по образованию, проведенный в мае 2005 г., показывает, что большинство преподавателей российских университетов получили в 2005 г. гранты в основном «по линии российских научных фондов и организаций, причем доля таких грантов в 2005 г. заметно выросла по сравнению с предшествующим периодом, в то время как доля иностранных грантов, получаемых российскими преподавателями, за последние три года сократилась» [Арефьев, 2006].

С апреля 2013 г. в силу Постановления Правительства № 367[1] оказывается затрудненным получение финансирования от международных организаций научных структур на территории РФ. Этот нормативный документ требует, чтобы грантодающая организация до начала взаимодействия с научным коллективом получила разрешение Министерства образования и науки. Для этого она должна предоставить в Министерство внушительный пакет документов на русском языке, включающий информацию о себе, банковские реквизиты свои и грантополучателя, цели гранта, тематику исследования и т. п. После этого Министерство в течение 30 дней принимает решение, насколько это «соответствует законодательству РФ и приоритетным направлениям развития науки», принятым российским правительством. «Развитие науки в современном мире возможно только при свободном общении между учеными разных стран… Постановление же настолько бюрократизирует этот процесс, что делает сотрудничество невозможным» [Интервью с учеными[2]].

Для групп ученых, проводящих социальные исследования, переломным становится 2013 г. — время принятия статуса «иностранный агент» в отношении НКО, имеющих иностранное финансирование либо являющихся субконтракторами подобных организаций. Список исследовательских НКО, которые составляли альтернативу государственным исследовательским

1 Постановление Правительства РФ № 367 от 23 апреля 2013 г. «Об утверждении Правил получения международными организациями права на предоставление грантов на территории Российской Федерации на осуществление конкретных научных, научно-технических программ и проектов, проведение конкретных научных исследований на условиях, предусмотренных грантодателями».

2 http://www.gazeta.ru/science/2013/05/27_a_5334501.shtml

структурам и которых вынуждают принять на себя статус «иностранных агентов»[1]: *Центр* социальной политики и гендерных исследований (Саратов), Научный центр международных исследований «ПИР», Информационное бюро Совета Министров Северных стран в Санкт-Петербурге. Независимые центры опроса общественного мнения получали предписания, но пока не были признаны таковыми: Левада-центр и одно из подразделений ВЦИОМ.

Нужно представлять те группы, с которыми взаимодействует социальный исследователь. Если он приходит к информанту, в органы власти или, например, в больницу или на завод, и говорит, что он — представитель НКО иностранного агента, то он никогда не получит информации. В июне 2015 г. от данного закона пострадали и представители естественных наук: объявил о своем закрытии после признания его иностранным агентом российский Фонд «Династия» — частный фонд, финансирующий в числе прочего исследования в области физики. Аналогичные тенденции закрытости общества сейчас заметны в случае исследований иностранных ученых. Опыт зарубежных коллег показывает, что им становится все сложнее получать доступ к респондентам — российские ученые стали бояться обсуждать с иностранцами даже темы, далекие от технических разработок. Это результат ужесточения государственной политики, идущее с конца 2000-х.

Параллельно с конца 2000-х годов наблюдается увеличение финансирования научных работ внутри России, и кажется, что государственные гранты могут компенсировать недополучение международных грантов, тем более что подавляющее большинство российских научных коллективов живут лишь за счет финансовых ресурсов, получаемых внутри страны. Согласно всероссийскому опросу Центра социологических исследований Федерального агентства по образованию, проведенному в мае 2005 г., девять из десяти преподавателей российских вузов (87,6%) в 2005 г. не имели никаких грантов, ни иностранных, ни российских [Арефьев, 2006, с. 73].

Какова российская система финансирования научных исследований? Помимо бюджетных денег на оплату труда сотрудников, а также договоров с индустриальными партнерами, чаще на небольшие по объему опытно-конструкторские работы [Бычкова и др., 2012; 2014], для научной лаборатории существуют четыре формы фи-

1 http://unro.minjust.ru/NKOForeignAgent. aspx

нансирования[1]. Первые две предоставляют научные фонды РФФИ и РГНФ, имеющие большой опыт поддержки научных проектов на конкурсной основе при участии экспертов из научной среды. Объемы финансирования проектов невелики — от 30 до 60 тыс. долларов на полуторагодовой проект, однако именно эти фонды служат источником финансирования новейших разработок. Схожим образом работает созданный в 2014 г. Российский научный фонд с кратно большим объемом финансирования проектов. Однако конкурсы РНФ 2015 года все больше делают акцент на приоритетных направлениях научных разработок, определенных органами государственной власти (ранее приоритеты выставлялись лишь для НИОКР в рамках Федеральных целевых программ, ФЦП — четвертая форма финансирования научных исследований в РФ). Пока сложно сказать, насколько это инициатива способствует удалению от научной конкуренции и формирования тематик исследований научным сообществом. ФЦП, связанные с НИОКР, четко демонстрируют приоритеты государственной политики в сфере науки. Приоритеты по тематике научных исследований и конструкторских работ не широки и располагаются далеко не на переднем крае международной науки.

Таблица 1
Доля расходов на НИОКР по различным направлениям ФЦП

Федеральные целевые программы на 2014 г., планируемые расходы на НИОКР	Процент от общего числа расходов на НИОКР
Федеральная космическая программа России на 2006-2015 гг.	39,74
Программа «Развитие гражданской авиационной техники России на 2002-2010 гг. и на период до 2015 г.»	20,86
Программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014-2020 гг.»	7,13
Программа «Развитие гражданской морской техники на 2009-2016 гг.»	6,74

1 Есть еще гранты Президента РФ для молодых ученых, но они рассчитаны лишь на кандидатов наук до 35 лет и докторов наук до 40 лет, и правила их распределения нами не исследовались. Нет также данных об этом в исследованиях и аналитических материалах, доступных нам.

Федеральные целевые программы на 2014 г., планируемые расходы на НИОКР	Процент от общего числа расходов на НИОКР
Программа «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности Российской Федерации на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу»	5,84
Программа «Поддержание, развитие и использование системы ГЛОНАСС на 2012-2020 гг.»	5,46
Программа «Развитие электронной компонентной базы и радиоэлектроники на 2008-2015 гг.»	4,29
Программа «Ядерные энерготехнологии нового поколения на период 2010-2015 гг. и на перспективу до 2020 г.»	4,15
Программа «Национальная технологическая база» на 2007-2011 гг.	1,17
Подпрограмма «Создание и организация производства в Российской Федерации в 2011-2015 гг. дизельных двигателей и их компонентов нового поколения»	1,15
Программа «Развитие российских космодромов на 2006-2015 гг.»	0,12
Подпрограмма «Развитие отечественного станкостроения и инструментальной промышленности на 2011-2016 гг.»[1]	0,02

Рассмотрим, например, объемы финансирования федеральных государственных программ на 2014 г. (табл. 1). Мы видим акцент на контрактах по космическим, авиационным тематикам и морской технике; суммарно они составляют около 65% всех средств, выделенных на НИОКР в 2014 г. Отдельной строкой проходит импортозамещение, в том числе в целях национальной безопасности, как указывают первые лица страны. Это изменение в риторике президента и руководителей ведомств происходит с середины 2000-х годов с принятием программы разработки собственной спутниковой системы ГЛОНАСС. В 2010-х национальная безопасность провозглашается и в сфере лекарственных средств и медицинских препаратов, поскольку зависимость от международных структур в обеспечении лекарствами граждан России подрывает безопа-

1 Рассчитано автором по данным: Перечень федеральных целевых программ и федеральных программ развития регионов, предусмотренных к финансированию из федерального бюджета на 2014 г. URL: http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp. cgi/Fcp/FcpList/Full/2014

сность страны. Термин «импортозамещение» становится одним из основополагающих для развития научных исследований и высокотехнологичных производств. На исследования по программам развития спутниковой системы и фармацевтики в 2014 г. планировалось потратить примерно 11,5% всех расходов на НИОКР. С 2015 г. в отношении ФЦП прописано директивное планирование тематик для исследований.

Заключение

В данной работе мы сформулировали дилемму, которая стоит перед национальными государствами и университетами: с одной стороны, для государства и его граждан важны международная конкуренция и концепты, связанные с ней, — национальная безопасность, национальные интересы. С другой стороны, актуализируются сравнения между образовательными и исследовательскими системами, говорится о международном сотрудничестве, меганауке, т. е. деятельности университетов поверх границ государств. Лаборатория и учебная аудитория становятся местом одновременно и внутри, и вне национальных границ.

Здесь возникает множество вопросов. Целесообразно ли открывать границы и ограничивать академические свободы — с позиции качества кадров, сохранения генофонда нации, новых фундаментальных открытий и возможности создания прикладного знания по их результатам? Что первично в глобальном мире XXI в. — военная или экономическая и кадровая мощь государства? Грозит ли интернационализация ассимиляцией будущей элиты и унификацией науки? Потеря или достижение для государства отъезд талантливого студента на обучение за рубеж? Может ли технологически выжить современное государство, лишь закупая технологии за рубежом и ограничивая научную коммуникацию по широкому кругу исследований? Сколько стоит государственный контроль и его отсутствие?

Страны либеральной демократии, которые, по сути, диктуют правила научной культуры и являются лидерами в организации научной коммуникации, отвечают на эти вопросы однозначно: вне международного сотрудничества университетских команд и студенческих сообществ развитие передовой науки невозможно. Однако выигрывают или проигрывают остальные государства, принимая подобную точку зрения?

Китай как одна из стран, претендующих на статус сверхдержавы, стремится влиять на глобальные правила игры и формировать собственную внешнюю политику технических стандартов, рейтингов университетов. Россия пока следует скорее стратегии сохранения,

ограничения и запрещения, чем проводит свою линию на мировой арене и реализует консистентную политику в отношении университетов внутри государства.

Библиография

Арефьев А. Л. (2006) *Деятельность иностранных фондов и организаций в области образования и науки в России: Социологический анализ.* М.: Центр социального прогнозирования.

Бычкова О., Попова Е., Черныш А. (2014) *Взаимодействие вузов и промышленности в РФ.* Отчет по проекту РВК.

Мартемьянов М. (2012) *Один вышел, двое сели. Эксперт* (http://expert.ru/russian_reporter/2012/25/odin-vyishel-dvoe-seli).

Barry N., Segal A. (2003) China in Search of a Workable Model: Technology Development in the New Millennium. *Crisis and Innovation: in Asian Technology. W. William, J. Samuels (eds), Cambridge, UK: Cambridge University Press: 160-86.*

Bok S. (1982) Secrecy and Openness in Science: Ethical Considerations. Science, Technology and Human Values, 7: 32-41.

Crane D. (1972) *Invisible Colleges*, Chicago: University of Chicago Press.

Cummings J. N., Kiesler S. (2005). Collaborative research across disciplinary and organizational boundaries. *Social Studies of Science* 35: 703-722.

Curry J., Newson J. (eds) (1998) *Universities and Globalization. Critical Perspectives*, South Oaks: Sage.

Dill David D., Sporn B. (1995) *The Implications of a Postindustrial Environment. D. D. Dilland, B. Sporn (eds). Emerging Patterns of Social Demand and University Reform: Through a Glass Darkly, Oxford: Pergamon Press.*

Drahos P., Braithwaite J. (2002). *Information Feudalism: Who Owns the Knowledge Economy?* N. Y.: New Press.

Drori G., Meyer J., Ramirez F., Schofer E. (2003). *Science in the Modern World Polity: Institutionalization and Globalization*, Stanford: Stanford University Press.

Enders J. (2004) Higher Education, Internationalisation, and the Nation-State: Recent Developments and Challenges to Governance Theory. *Higher Education, 47 (3): 361-382.*

Farrell M. P. (2001). *Collaborative circles: Friendship dynamics and creative work*, Chicago: University Of Chicago Press.

Fecher B., Friesike S. (2014) Open science: One term, five schools of thought. S. Bartling, S. Friesike (eds). *Opening Science*. Springer Open: 17-47.

Feigenbaum A. (2003). *China's Techno-warriors: National Security and Strategic Competition from the Nuclear to the Information Age, Stanford, CA: Stanford University Press.*

Glasner P. (1996). From community to collaboratory? The human genome mapping project and the changing culture of science. *Science and Public Policy*, 23 (2): 109-116.

Griffith B. C., Mullins N. C. (1972) Coherent Groups in Scientific Change: Invisible Colleges May Be Consistent Throughout Science. *Science*, 177: 959-64.

Hackett E. J. (2005) Introduction to the Special Guest-Edited Issue on Scientific Collaboration. *Social Studies of Science,* 35 (5): 667-672.

Jeffrey A. Hart and Sangbae K. (2002) Explaining the Resurgence of U. S. Competitiveness: The Rise of Wintelism. *The Information Society,* 18: 1-12.

Keller W., Samuels R. J. (2003) *Crisis and innovation in Asian technology,* Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Kwiek M. (2000) The nation-state, globalisation and the modem institution of the univer-sity. *Theoria,* 96 (December): 74-98.

Mirowski P., Sent E.-M. (eds.) (2002) *Science Bought and Sold*, Chicago: Chicago University Press.

Pauly W., Reich S. (1997). National Structures and Multinational Corporate Behavior: Enduring Differences in the Age of Globalization. *International Organization, 51 (1): 1-30.*

Powell W. W., White D. R., Koput K. W., Owen-Smith J. (2005) Network Dynamics and Field Evolution: The Growth of Interorganizational Collaboration in the Life Sciences. *American Journal of Sociology,* 110 (4): 1132-1205.

Scott P. (ed.) (1998) *The Globalization of Higher Education,* Buckingham: Society for Research into Higher Education & Open University Press.

Teichler U. (1996) Comparative higher education: Potentials and limits. *Higher Education* 32 (4): 431-465.

Thomas L. (1984) Scientific Frontiers and National Frontiers: A Look Ahead. *Foreign Affairs*: 966-76 (https: //www.foreignaffairs.com/articles/1984-03-01/scientific-frontiers-and-national-frontiers-look-ahead).

Tidd J., Bessant J. (2009) *Managing Innovation: Integrating Technological, Market and Organizational Change*, John Willey and Sons, Ltd.

Wittrock B. (1993). The Modem University: The Three Transformations. Rothblatt S., Wittrock B. (eds). *The European and American University since 1800. Cambridge, England: Cambridge University Press: 298-314.*

References

Arefev A. L. (2006). Deyatelnost inostrannyx fondov i organizacij v oblasti obrazovaniya i nauki v Rossii: sociologicheskij analiz [The activity of foreign foundations and organizations in the sphere of education and science in Russia: the sociological analysis]. M.: Center for Social Forecasting.

Barry N., Segal A. (2003) China in Search of a Workable Model: Technology Development in the New Millennium. *Crisis and Innovation: in Asian Technology. W. William, J. Samuels (eds), Cambridge, UK: Cambridge University Press: 160-86.*

Bok S. (1982) Secrecy and Openness in Science: Ethical Considerations. Science, Technology and Human Values, 7: 32-41.

Bychkova J., Popova E., Chernysh A. (2014) Vzaimodejstvie vuzov i promyshlennosti v RF [Interaction of universities and industry in the Russian Federation]. Otchet po proektu RVK.

Crane D. (1972) *Invisible Colleges,* Chicago: University of Chicago Press.

Cummings J. N., Kiesler S. (2005). Collaborative research across disciplinary and organizational boundaries. *Social Studies of Science* 35: 703-722.

Curry J., Newson J. (eds) (1998) *Universities and Globalization. Critical Perspectives,* South Oaks: Sage.

Dill David D., Sporn B. (1995) *The Implications of a Postindustrial Environment. D. D. Dilland, B. Sporn (eds). Emerging Patterns of Social Demand and University Reform: Through a Glass Darkly, Oxford: Pergamon Press.*

Drahos P., Braithwaite J. (2002). *Information Feudalism: Who Owns the Knowledge Economy?* N. Y.: New Press.

Drori G., Meyer J., Ramirez F., Schofer E. (2003). *Science in the Modern World Polity: Institutionalization and Globalization,* Stanford: Stanford University Press.

Enders J. (2004) Higher Education, Internationalisation, and the Nation-State: Recent Developments and Challenges to Governance Theory. *Higher Education, 47 (3): 361-382.*

Farrell M. P. (2001). *Collaborative circles: Friendship dynamics and creative work*, Chicago: University Of Chicago Press.

Fecher B., Friesike S. (2014) Open science: One term, five schools of thought. S. Bartling, S. Friesike (eds). *Opening Science.* Springer Open: 17-47.

Feigenbaum A. (2003). *China's Techno-warriors: National Security and Strategic Competition from the Nuclear to the Information Age, Stanford, CA: Stanford University Press.*

Glasner P. (1996). From community to collaboratory? The human genome mapping project and the changing culture of science. *Science and Public Policy*, 23 (2): 109-116.

Griffith B. C., Mullins N. C. (1972) Coherent Groups in Scientific Change: Invisible Colleges May Be Consistent Throughout Science. *Science,* 177: 959-64.

Hackett E. J. (2005) Introduction to the Special Guest-Edited Issue on Scientific Collaboration. *Social Studies of Science,* 35 (5): 667-672.

Jeffrey A. Hart and Sangbae K. (2002) Explaining the Resurgence of U. S. Competitiveness: The Rise of Wintelism. *The Information Society,* 18: 1-12.

Keller W., Samuels R. J. (2003) *Crisis and innovation in Asian technology,* Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Kwiek M. (2000) The nation-state, globalisation and the modem institution of the univer-sity. *Theoria,* 96 (December): 74-98.

Martemyanov M. (2012). Odin vyshel, dvoe seli [One set free, two land]. Ekspert (http://expert.ru/russian_reporter/2012/25/odin-vyishel-dvoe-seli).

Mirowski P., Sent E.-M. (eds.) (2002) *Science Bought and Sold*, Chicago: Chicago University Press.

Pauly W., Reich S. (1997). National Structures and Multinational Corporate Behavior: Enduring Differences in the Age of Globalization. *International Organization, 51 (1): 1-30.*

Powell W. W., White D. R., Koput K. W., Owen-Smith J. (2005) Network Dynamics and Field Evolution: The Growth of Interorganizational Collaboration in the Life Sciences. *American Journal of Sociology,* 110 (4): 1132-1205.

Scott P. (ed.) (1998) *The Globalization of Higher Education,* Buckingham: Society for Research into Higher Education & Open University Press.

Teichler U. (1996) Comparative higher education: Potentials and limits. *Higher Education* 32 (4): 431-465.

Thomas L. (1984) Scientific Frontiers and National Frontiers: A Look Ahead. *Foreign Affairs*: 966-76 (https: //www.foreignaffairs.com/articles/1984-03-01/scientific-frontiers-and-national-frontiers-look-ahead).

Tidd J., Bessant J. (2009) *Managing Innovation: Integrating Technological, Market and Organizational Change*, John Willey and Sons, Ltd.

Wittrock B. (1993). The Modem University: The Three Transformations. Rothblatt S., Wittrock B. (eds). *The European and American University since 1800. Cambridge, England: Cambridge University Press: 298-314.*